

Фазиль Искандер

Летним днем

Часть сборника
Золото Вильгельма (сборник)

Фазиль Искандер

Летним днем

«ЭКСМО»

Искандер Ф. А.

Летним днем / Ф. А. Искандер — «Эксмо»,

«... Мне захотелось узнать, чему это он там усмехнулся, и я попытался незаметно заглянуть в газету.— Хотите прочесть? — спросил он живо, заметив мою не слишком ловкую попытку и протягивая газету.— Нет, — сказал я и, по тону почувствовав, что душа его жаждет общения, добавил: — Вы очень хорошо говорите по-русски.— Да, — согласился он, и его яркие глаза блеснули еще ярче, — это моя гордость, но я с юношеских лет изучаю русский язык.— Да ну? — удивился я.— Да, — повторил он энергично и добавил с неожиданным лукавством: — Догадайтесь почему?— Не знаю, — сказал я, слегка притормаживая выражение общительности, если, конечно, оно было у меня на лице. — Чтобы читать Достоевского?— Точно, — кивнул он и отодвинул пустую чашечку. ...»

© Искандер Ф. А.

© Эксмо

Содержание

Фазиль Искандер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Фазиль Искандер

Летним днем

В жаркий летний день я сидел у лодочного причала и ел мороженое с толченым орехом. Такое уж тут мороженое продают. Сначала накладывают тебе в металлическую чашечку твердые кругляки мороженого, а потом посыпают сверху толченым орехом. Наверное, можно было попросить не посыпать его толченым арахисом (если уж быть точным), но никто не просил, поэтому не решился и я.

Юная продавщица в белоснежном халате, на вид прохладная и потому приятная, работает молча, мягко, равномерно. Никому не хочется менять этого налаженного равновесия. Жарко, лень.

Цветущие олеандры бросают негустую тень на столики открытого кафе. Сквозь их жидковатые кусты с моря задувает спасительный ветерок. От истомленных розовых цветов потягивает сладковатый гнилостный запах. Сквозь ветви олеандров виднеется море и лодочный причал.

Вдоль берега время от времени медленно проходят лодки рыбаков-любителей. За каждой лодкой по дну волочится самодельный трал – кошелка на железном обруче.

Сегодня суббота. Рыбаки ловят креветок, готовятся к завтрашней рыбалке. Иногда лодка останавливается, сидящий на корме подтягивает канат и вволакивает в лодку тяжелую от ила и мокрого песка кошелку. Склонившись, долго выбирают из нее креветок, выбрасывая за борт шлепающие пригоршни ила. Освободив кошелку, они ополаскивают ее в воде и забрасывают за корму, стараясь держаться подальше от трала, чтобы близость лодки не пугала креветок. Они проходят очень близко от берега, потому что в такую погоду креветки выбираются к самой кромке воды.

На верхнем ярусе причала пляжники ожидают катера. Из воды доносятся азартно перебивающие друг друга голоса мальчишек. Они просят, пожалуй, скорее требуют, чтобы пляжники бросали в воду монеты. Туговато поддаваясь на эти уговоры, пляжники время от времени швыряют в воду монеты. Судя по их лицам, склоненным над барьером причала, большого веселья от этого занятия они не испытывают. Один из пацанов все время отплывает подальше от причала и требует, чтобы бросали в глубину. Блеснув на солнце, монета иногда летит в его сторону. Здесь достать ее трудней, зато нет соперников, и он спокойно работает один.

Некоторые пацаны прыгают за монетами прямо с пристани. Звук шлепающегося в воду тела, детские голоса обдают свежестью. Когда катер с пляжниками отходит от причала, те из пацанов, которым удалось поймать несколько монет, прибегают наверх и покупают мороженое. Мокрые, дрожащие от холода, громко звякая ложками, они поедают свою порцию и снова бегут на причал.

– Здесь свободно? – услышал я над собой мужской голос.

Возле моего столика стоял человек с чашечкой мороженого и свернутой газетой в руке.

– Да, – сказал я.

Он кивнул головой, отодвинул стул и сел. Занятый морем, я не заметил, как он подошел к моему столику. По выговору, по едва заметной растяжке слов я догадался, что он немец. Это был загорелый человек лет пятидесяти пяти, с коротким энергичным ежиком светлых волос, с чуть асимметричным лицом и яркими глазами.

Сейчас в руке он держал одну из черноморских русских газет. Некоторое время он просматривал ее, потом усмехнулся и, отложив газету, принялся за мороженое. Усмешка усилила асимметрию его лица, и я подумал, что привычка усмехаться таким образом, может быть, слегка стянула в сторону нижнюю часть его в остальном правильного лица.

Мне захотелось узнать, чему это он там усмехнулся, и я попытался незаметно заглянуть в газету.

– Хотите прочесть? – спросил он живо, заметив мою не слишком ловкую попытку и протягивая газету.

– Нет, – сказал я и, по тону почувствовав, что душа его жаждет общения, добавил: – Вы очень хорошо говорите по-русски.

– Да, – согласился он, и его яркие глаза блеснули еще ярче, – это моя гордость, но я с юношеских лет изучаю русский язык.

– Да ну? – удивился я.

– Да, – повторил он энергично и добавил с неожиданным лукавством: – Догадываетесь почему?

– Не знаю, – сказал я, слегка притормаживая выражение общительности, если, конечно, оно было у меня на лице. – Чтобы читать Достоевского?

– Точно, – кивнул он и отодвинул пустую чашечку. Все это время он энергично орудовал над ней, в то же время не выпуская меня из поля зрения своих ярких глаз. Так что для совмещения этих двух дел ему приходилось смотреть на меня почти все время исподлобья.

– Как вам здесь нравится? – спросил я у моего собеседника.

– Хорошо, – кивнул он головой. – Вот приехал с женой и дочкой, хотя у вас это очень дорого стоит...

– А где они? – спросил я.

– Вот жду их с пляжа, – сказал он и посмотрел на часы, – я решил сегодня погулять по городу один.

– Слушайте, – сказал я, стараясь сдерживать воодушевление, – что, если мы разопьем бутылку шампанского?

– Готов, – сказал он добродушно и развел руками. Я встал и подошел к буфету.

Из голубого пластика и стекла, сверкая обтекаемыми изгибами, буфет напоминал по своим очертаниям скорее летательный аппарат, чем торговую точку.

Внутри этого пластика и стекла сидел буфетчик и с буколическим благодушием ел мамалыгу с сыром. Рядом с ним возвышалась жена, а внизу, запустив руку в ящик с конфетами и задумчиво роаясь в нем, стоял ребенок.

– Шампанское и кило яблок, – сказал я, оглядев витрины.

Единственная официантка, опершись спиной о стойку буфета, стояла рядом со мной и ела мороженое. Буфетчик вытер руки тряпкой и, почмокивая языком, полез в бочку со льдом. Официантка и ухом не повела на мой заказ.

– Иностранец, – кивнул я головой в сторону моего столика.

Буфетчик ответил мне понимающим кивком, и я почувствовал, как рука его, похрустывая сдавленными льдинками, глубже зарылась в бочку. Официантка спокойно продолжала есть мороженое.

– Скажи детям, чтоб тише сидели, – услышал я за спиной голос буфетчика.

Рядом с нами за освободившийся столик усадились ловцы монет. Локти пацанов беспрерывно двигались по столу. Один из них то и дело мотал головой, чтобы вытряхнуть воду из уха, что вызывало у остальных приступы неудержимого смеха. Мокрые, загорелые, в гусиной коже от холода, дети выглядели крепышами, и на них было приятно смотреть.

Официантка принесла вазу с яблоками и бутылку шампанского. Поставив вазу на стол, она стала снимать с горлышка бутылки фольговую обертку. Пацаны за соседним столом замерли, ожидая, когда хлопнет пробка. Тут я заметил, что она еще не принесла бокалов, и остановил ее. Она нисколько не обиделась на это, но и не смущаясь промахом, отправилась за бокалами. В ней угадывалось повышенное чувство независимости. Кроме того, скрытая иро-

ния по отношению ко всем клиентам. Особенно это угадывалось, когда она удалялась, покачивая широкими бедрами, но в меру, для собственного удовольствия, а не для кого-то там.

Через минуту она вернулась с двумя длинными узкими бокалами. Пробку она открыла, постепенно выпуская газ, так что мальчишки, замершие было снова в ожидании выстрела, были разочарованы. Мы выпили за встречу по полному бокалу.

– Божественный напиток, – сказал немец и твердо поставил пустой бокал. Лоб у него покрылся мелкими капельками пота. Шампанское и в самом деле было очень хорошим.

– Во времена нацизма вы жили в Германии? – спросил я у него, когда разговор зашел о фильме Ромма «Обыкновенный фашизм», который он очень хвалил. Оказывается, он его смотрел еще у себя в Западной Германии.

– Да, – сказал он, – с первого дня до разгрома.

– Дело прошлое, – спросил я, – как вы думаете, Гитлер был по-своему человеком умным или талантливым?

– Умным он никогда не был, – качнул головой мой собеседник, слегка оттянув в сторону губу, – но он обладал, по-моему, своего рода гипнотическим даром...

– Как это понять?

– Речи его возбуждали толпу, внушали ей своеобразный политико-половой психоз...

– Ну, а «Майн кампф»? – спросил я. – Что это?

– По форме это типичный поток сознания... Только, в отличие от Джойса, это поток глупого сознания...

– Меня интересует не форма, – пояснил я свой вопрос, – меня интересует, каким образом он доказывал в этой книге, ну, скажем, необходимость уничтожения славян?

– В «Майн кампф» все это подавалось в очень туманной упаковке, прямо обо всем этом они начали говорить только после прихода к власти, а эта книга написана в двадцать четвертом году. Вообще ничтожная полуграмотная книжка, – добавил он презрительно. Чувствовалось, что ему скучно о ней говорить.

– Это вы сейчас так думаете или и тогда она вам казалась такой? – спросил я.

– Я и тогда так думал, – несколько надменно, как мне показалось, ответил он и вдруг добавил: – За что чуть не поплатился...

Он остановился, словно вспоминая что-то, а может, раздумывая, стоит ли рассказывать?

– Мои вопросы вам не надоели? – спросил я, разливая шампанское.

– Нет, нет, – живо возразил он и, отпив несколько глотков из бокала, твердо поставил его на столик. По-видимому, устойчивость этого бокала не внушала ему доверия.

– Это была мальчишеская затея, – сказал он, улыбнувшись. – Мы с двумя товарищами однажды ночью пробрались в здание нашего университета и разбросали там листовки. В них приводилось несколько явно неграмотных цитат из «Майн кампф» и говорилось о том, что человек, плохо знающий немецкий язык, не может претендовать на роль вождя немецкого народа.

– Ну и что было? – спросил я, стараясь не слишком обнажать свое любопытство.

– Нас спасла схематичность полицейского мышления, – сказал он и, допив шампанское из бокала, встал, услышав гудок подходящего катера.

– Сейчас приду, – кивнул он и быстро направился к причалу, легко перебирая мускулистыми ногами.

Только сейчас я заметил, что он в шортах.

За столиком, где до этого сидели мальчишки, сейчас сидел местный пенсионер. Это был небольшой розовый старик в чистом чесучовом кителе. На столике у него стояла бутылка боржома и маленький граненый стаканчик, из которого он время от времени попивал боржом двумя-тремя глоточками. Отопьет, пожует губами и, перебирая четки, глядит на окружающих с праздным любопытством.

Всем своим видом он как бы говорил: вот я в жизни хорошо поработал, а теперь пользуюсь заслуженным отдыхом. Захочу – пью боржом, захочу – четки перебираю, а захочу – просто так сижу и смотрю на вас. И вам никто не мешает хорошо поработать, чтобы потом, в свое время, пользоваться, как я сейчас пользуюсь, заслуженным отдыхом.

Сначала он сидел один, но потом за его столик присела с чашечкой мороженого крупная, как-то неряшливо накрашенная женщина с деревянными бусами на шее. Сейчас они оживленно беседовали, и в голосе пенсионера все время чувствовался холодок интеллектуального превосходства, который собеседница безуспешно пыталась растопить, отчего в ее собственный голос проскальзывали нотки тайной обиды и даже упрека. Но старик, не обращая на них ни малейшего внимания, упрямо держался взятого тона.

Я стал прислушиваться.

– ...Япония сейчас считается великой страной, – сказал пенсионер, перебрасывая несколько бусинок на четках, – и, между прочим, у них очень красивые женщины встречаются.

– Зато мужчины некрасивые, – радостно подхватила женщина, – в сорок пятом году у нас в Иркутске я видела много пленных японцев, среди них ни одного красивого не было...

– Пленные никогда красивыми не бывают, – перебил ее пенсионер наставительно, как бы вскрывая за ее этнографическим наблюдением более глубокий, психологический смысл и тем самым сводя на нет даже скромную ценность самого наблюдения.

– Но почему же... – запротестовала было женщина, но чесучовый поднял палец, и она замолкла.

– В то же время Япония в будущем – крупный источник агрессии, – сказал он, – потому что связана с Америкой через банковский капитал.

– По-моему, в Америке, кроме десяти процентов, все остальные негодяи, – сказала женщина и, посмотрев на руки старика, сейчас снова перебирающие четки, зачем-то притронулась к своим бусам.

– Богатейшая страна, – сказал пенсионер задумчиво и поставил локти на столик – сквозь широкие чесучовые рукава два острых независимых локотка.

– ...Дочь Дюпона, – начал он что-то рассказывать, но остановился, вспомнив об уровне аудитории. – Дюпон кто такой, знаете?

– Ну этот самый, – растерялась женщина.

– Дюпон – миллиардер, – жестко уточнил старик и добавил: – А против миллиардера миллионер считается нищим.

– Господи, – вздохнула женщина.

– Так вот, – продолжал пенсионер, – дочь Дюпона пришла на один банкет с бриллиантами на десять миллионов долларов. А теперь спрашивайте, почему ее никто не ограбил?

Старик слегка откинулся, как бы давая время и простор для любых догадок.

– Почему? – спросила женщина, все еще подавленная богатством миллиардерши.

– Потому что ее сопровождали пятьдесят переодетых сыщиков в виде знатных иностранцев, – торжественно заключил пенсионер и отпил боржом из своего маленького стаканчика.

– Они интимную переписку адмирала Нельсона предали огласке, – вспомнила женщина, – мало ли что мужчина может писать женщине...

– Знаю, – строго перебил ее старик, – но это англичане.

– Все равно это подлость, – сказала женщина.

– Вивьен Ли, – продолжал пенсионер, – пыталась спасти честь адмирала, но у нее ничего не получилось.

– Я знаю, – кивнула женщина, – но она, кажется, умерла...

– Да, – подтвердил старик, – она умерла от туберкулеза, потому что ей нельзя было жить половой жизнью... Вообще при туберкулезе и при раке, – придерживая одной рукой четки, он на другой загнул два пальца, – половая жизнь категорически запрещается...

Это прозвучало как сдержанное предупреждение. Старик слегка покосился на женщину, стараясь почувствовать ее личное отношение к вопросу.

– Я знаю, – сказала женщина, не давая ничего почувствовать.

– Виссарион Белинский тоже умер от ТБЦ, – неожиданно вспомнил пенсионер.

– Толстой – мой самый любимый писатель, – ответила ему на это женщина.

– Смотря какой Толстой, – поправил старик, – всего их было три.

– Ну, конечно, Лев Толстой, – сказала женщина.

– «Анна Каренина», – заметил пенсионер, – самый великий семейный роман всех времен и народов.

– Но почему, почему она так ревновала Вронского?! – с давней горечью заметила женщина. – Это ужасно, этого никто не может перенести...

Толпа пляжников поднялась на берег и лениво разбрелась по улице. Иностранки в коротких купальных халатах казались особенно длинноногими. Несколько лет тому назад им не разрешали в таком виде появляться в городе, но теперь, видимо, примирились.

Появился мой собеседник.

– Что-то сильно запаздывают, – сказал он без особого сожаления и присел за столик.

Я разлил шампанское.

– Вот вам и немецкая аккуратность, – сказал я.

– Немецкая аккуратность сильно преувеличена, – ответил он.

Мы выпили. Он взял из вазы яблоко и крепко откусил его.

– Значит, вас спасла схематичность полицейского мышления? – напомнил я, дав ему проглотить откушенный кусок.

– Да, – кивнул он головой и продолжил: – Гестапо поставило вверх дном философский факультет, но нас почему-то не тронули. Решили, что это дело рук студентов, которые по роду своих занятий могли Гегеля сравнить с Гитлером. В один день на всех курсах философского факультета у студентов отобрали конспекты, хотя мы писали эти листовки измененным почерком и печатными буквами. Двое отказались отдавать конспекты, и их прямо из университета забрали в гестапо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.